

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ РОССИИ И УКРАИНЫ

А. В. Глухова

Воронежский государственный университет

Г. В. Черникова

Филиал Российского государственного социального университета в г. Воронеже

Поступила в редакцию 10 июня 2013 г.

Аннотация: *статья посвящена теоретико-методологическим аспектам изучения феномена элит в современной российской и украинской политической науке. Авторы анализируют различные исследовательские позиции ученых относительно определения понятия «элита», а также структуры, качества, проблем формирования, обновления и функционирования элитарных групп в постсоветской России и Украине. Обосновывается необходимость ротации политической элиты, прихода к управлению государством людей, искренне заинтересованных в модернизации страны.*

Ключевые слова: *элита, политические элиты России и Украины, элиты развития, постсоветский период, финансово-экономический кризис, модернизация.*

Abstract: *article is devoted to theoretical-methodological aspects of studying of elite phenomenon in the modern Russian and Ukrainian political science. Authors analyze various research positions of scientists concerning concept «elite» definition, and also structure, quality, problems of formation, updating and functioning of elite groups in Post-Soviet Russia and Ukraine. The need of political elite rotation, arrival to government the people who have been sincerely interested in modernization of the country locates, is substantiated.*

Key words: *elite, political elite of Russia and Ukraine, development elite, Post-Soviet stage, financial and economic crisis, modernization.*

В теоретических исследованиях политики как социального феномена четко различаются два парадигмальных подхода. Первый исходит из трактовки политики как взаимодействия крупных социальных образований, различающихся местом в системе общественного производства. Наиболее ярко этот подход представлен в марксизме, оперирующем понятиями «класс» и «классовый конфликт» в качестве теоретических инструментов анализа и прогнозирования политического процесса. Современные исследователи, работающие в рамках этого подхода, уделяют преимущественное внимание политическому поведению масс и различных незлитных групп.

Другой, прямо противоположный подход, традиционен лежащий в основе политической науки, акцентирует внимание и подвергает теоретическому осмыслению тех, кто обладает политическим влиянием и принимает ответственные политические решения, – лидеров и политические элиты. В данном случае акцент делается на политической иерархии в традициях основоположников классической элитистской школы – Г. Моски и В. Парето. Попытки примирить эти два подхода в рамках общей теории по-

литики до последнего времени не имели большого успеха.

Согласно определению современного классика элитистского подхода Дж. Хигли, *элиты можно определить как личности и небольшие группы людей, которые, благодаря преимуществу стратегического положения, занимаемого ими в крупных организациях, могущих считаться ведущими на основании каких-либо иных признаков, способны оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты* [1, с. 35].

Автор вносит три терминологических пояснения в его теоретическую конструкцию. «Во-первых, необходимо последовательно различать «элиты» и «не-элиты», хотя это чрезмерно упрощает и искажает истинную политическую стратификацию обществ. Право на эту неосторожность основывается на экспликативных и предикативных достоинствах теории, основанной на различии. Во-вторых, термин «элита» в дальнейшем будет часто использоваться во множественном числе – «элиты», – поскольку в организованных обществах всегда существуют значимые различия между разнообразными группами тех, кто формирует элиту. В-третьих, для стилистического разно-

образия будут использоваться такие термины, как «лидеры», «лица, обладающие властью», «лица, обладающие влиянием», но они всегда будут означать элиты в том смысле, как они были определены выше» [там же].

Автор подчеркивает, что личный талант и социальные преимущества, безусловно, необходимо учитывать при изучении процессов рекрутирования и состава элиты. Но если предположить, что одна или обе составляющие (в строящемся на принципах абсолютной справедливости обществе всеобщего изобилия) не играют никакой роли, то окажется, что это не отражается на существовании элиты. «Это объясняется тем, что причины существования элит кроются в гораздо более фундаментальном и универсальном явлении человеческой жизни, в частности, в отсутствии в большом сообществе некоего общего интереса, который распространялся бы и на мельчайшие черты организации и политики. Если верно, что большинство сообществ основываются на взаимопонимании относительно социальных и культурных вопросов, то это взаимопонимание всегда имеет неоднозначный и грубый характер. Удовлетворение своих желаний и потребностей, к которому стремятся некоторые члены сообщества, только частично совпадает со стремлениями других людей. В целом люди постоянно стремятся добиться высокого положения и иных составляющих, имеющих безусловную ценность в обществе, где они живут, для себя, а также для своих родственников, друзей и союзников, однако другие члены общества не считают их в полной мере легитимными. Согласие с этими притязаниями часто вытекает из предположения, что было бы неразумно не согласиться с ними, так как на самом деле речь идет о признании того, что люди, выдвигающие эти требования, имеют некоторое, оправданное с культурной и социальной точек зрения, право поступать таким образом. Общий интерес минимален, особенно в рамках чрезвычайно широкой социальной сферы, и всегда должен дополняться решениями авторитетных и влиятельных людей, которые считают неблагоразумным оспаривать их оппоненты и сторонники других точек зрения» [там же, с. 33].

Как видим, американский исследователь, вопреки этимологическому значению термина «элита» как «лучшее», «отборное», «избранное», делает акцент на стратегическом положении определенной группы людей (как правило, меньшинства) и ее способности оказывать на политические решения постоянное и значительное влияние, хотя и признает оправданность таких действий культурными и социальными факторами. Между тем в отечественной политической науке именно аксиологический аспект концепта элиты вызвал наиболее пристальный интерес и повышенное внимание. По мнению известного социолога

Ж. Т. Тощенко, употреблять понятие «элита» в условиях сегодняшней ситуации в России – «значит сознательно (или неосознанно) заниматься фальсификацией существующей реальности, подыгрывать низменным страстям, а в конечном счете исказить всю картину нашей действительности» [2, с. 123]. Эта позиция свойственна многим отечественным и украинским ученым, весьма критично реагирующим на применение понятия, однажды введенного в научный оборот В. Парето, к анализу постсоветских реалий.

Одним из наиболее фундированных подходов к исследованию элит является подход, предложенный учеными Левада-центра Л. Гудковым и Б. Дубиным. Они справедливо обращают внимание на то, что идея элиты по происхождению относится к самой ранней стадии модерна, когда впервые затрагиваются проблемы универсализации или массивификации общества, снятия социальных, правовых и культурных барьеров между людьми разного состояния и превращения сословного социума в достижительное и открытое общество современного типа. Именно тогда в более или менее четком виде формулируется представление о влиянии высших сословий либо властных и имущественных групп на низшие слои или то, что в культурологии и социальной антропологии позднее получает название «спуск образца» (ранние модели социокультурной динамики в исследованиях моды, СМИ, отчасти политики и т.п.). Однако понятие элиты наделено еще одним значением – моральным авторитетом просвещенных, соединением идеи просвещения и рационализации с идеей эмансипации, в том числе политической и социальной. Другими словами, функциональная роль понятия «элита» в социальных и политических науках заключается в том, чтобы ввести представление о движущих силах развития тогда, когда другие источники инновационного процесса (институциональные либо групповые интересы) оказываются в силу тех или иных исторических обстоятельств неясными либо неопределимыми. Тогда начинают подчеркивать силу идей, роль идеологического фактора, обеспечивая тем самым консолидацию группы, не имеющей других ресурсов и средств влияния, кроме своих убеждений [3].

Однако как только разговор об элите переходит в разряд категорий, подлежащих операционализации и эмпирической проверке, встает ряд вопросов, касающихся состава и функций элит, а значит, также инстанций и критериев признания ее деятельности. По мнению авторов, наиболее важные из них следующие.

1. Какова специфика символических ресурсов группы? Располагают ли рассматриваемые группы достаточным авторитетом, чтобы быть признанными в обществе в качестве элиты – источника смыслов или таких достижений, которым начинают следовать

другие зависимые от нее исполнительные группы? Какова природа этого авторитета, на чем он основывается – на идеях будущего, технологиях, моральной силе либо традициях и каких именно?

2. Каковы механизмы отбора кандидатов в состав элиты? Кто отбирает, кого, на основе каких критериев, а также каковы условия институционализации и воспроизводства группы?

3. Каково воздействие элиты на социальную структуру (социальную стратификацию), как ее достижения вписываются в сложившееся социальное расслоение, как санкционируется тем самым социальный порядок?

4. Достаточен ли авторитет элиты (символический капитал, признанный экстравластными, экстрагосударственными или экстраполитическими инстанциями), чтобы ее суждения и экспертиза принимались во внимание властью, влияя тем самым на механизмы принятия решений?

В свете указанного важнейшее значение имеют конкретные основы социального порядка. Держится ли он на индивидуальных заслугах и достижениях, признаваемых автономными сообществами и специальными институтами, в конечном счете – «обществом» или, как в российском и украинском случаях, задан «власть предрежащими» и реализован через органы государственного принуждения? В последнем случае социальный порядок не связан с действиями элиты, в роли которой выступает назначенная сверху обслуга власти. Только в первом случае элита с ее аккумулированными ресурсами «гратификации» (уважение за общепризнанные достижения, реально полученные результаты) вписывается в социальный порядок, который тем самым начинает признаваться обществом в качестве справедливого, общепринятого и морально одобряемого. Справедливость социального порядка будет сомнительной, если она не санкционирована элитой и ее достижениями, а легитимность власти в этих обстоятельствах неминуемо окажется слабой.

Иными словами, сами механизмы формирования элиты в открытых обществах становятся значимым фактором социальной стратификации. Поэтому центральные моменты в социологическом представлении об элите – это соединение проблематики социального продвижения (публичная, политическая, государственная или управленческая карьера) с оценками достижения – эффективности, качества действия в той или иной сфере. Именно это сочетание становится основанием для признания *политической роли* соответствующих индивидов (или группы): во-первых, их способности к участию в публичной, открытой политике, которая тем самым преследует общезначимые цели, а во-вторых, их достоинства (морального авторитета), которая позволяет им претендовать

на участие в определении стратегии и целей национальной политики. Особую трудность при этом представляют обстоятельства соединения *культурных ценностей*, направляющих те или иные действия «кандидатов в элиту», – их идеологических установок, нравственных и интеллектуальных характеристик, – с *функциональными требованиями квалификации* (быть лучшим в своей области – компетентным специалистом, экспертом, короче говоря, образцом для подражания в своем деле), а также с *правом на общественно-политическое представительство (авторитетность)*. «Только вкупе все три составляющие становятся основанием для социального признания индивида как публичного деятеля, который вправе участвовать в открытом конкурсе на лидерство в качестве представителя организаций массовой поддержки – партий, общественных движений, институтов – либо может быть кооптирован во власть через систему ее исполнительных органов», – считают Л. Гудков и Б. Дубин. Тем самым авторами предложена оригинальная теоретическая модель, чрезвычайно продуктивная в анализе характера и эффективности деятельности конкретной политической элиты [4, с. 76].

Таким образом, не всякая группа носителей уникального ресурса (власти, культуры, знания и т.д.) может исполнять функции элиты в строгом смысле слова. Важнейший социологический признак так называемой элиты – ее открытость, т.е. публичный характер оценки и сертификации кандидатов, квалификации их деятельности, доходов, моральных характеристик (честность, умеренность, порядочность). А это означает систематическую связь элит со всеми другими социальными институтами, функционирующими автономно от власти и ее механизмов: независимыми от государства СМИ, университетами, фондами, общественной экспертизой и прочими образованиями, которые создают среду «публичности» как непереносимое условие обсуждения, рефлексии над действиями представителей элиты и власти. Элита, а вернее, элиты не могут возникать и функционировать без конкурентной системы образования, конкурсной практики занятия ключевых позиций и должностей на общественной, экономической и государственной службе (что не отменяет последующего чисто бюрократического характера карьерного продвижения), которая проходит под контролем «общественности» – СМИ, организаций гражданского общества, опирающихся на суд и политические партии. Принципы и механизмы формирования элиты – это и есть разные формы контроля общества над властью, своего рода «страховка» от монополизации ею центральных функций системы и тем самым от их выхолащивания и последующей деградации. Именно профессиональная группа или культурная среда должны засвиде-

тельствовать ценность и оригинальность достижений данного кандидата, претендующего на вхождение в состав элиты. И лишь после этого публичные выступления последнего по общественно значимым вопросам, заинтересовавшие «всех», превращают его в одного из представителей элит.

Однако от данной концептуальной схемы в российской и украинской практике мало что остается. Российская и украинская «элита» представлены лишь окол властными кругами, поскольку нет никаких других образований либо инстанций, санкционирующих авторитет кандидата в элиту. Соответственно приходится говорить о «позициях элиты», или «позиционной элите», т.е. о номенклатуре. В любом случае – это порученцы или назначенцы, люди, назначенные на влиятельные позиции начальством, а стало быть, зависимые от власти и подчиняющиеся ей.

Выходит, что понятие «элита» в нынешнем российском и украинском словоупотреблении не связано напрямую с *социальной структурой*. Постсоветская элита лишена черт института или определенной социальной группы с ясными признаками принадлежности и механизмами группообразования. Принадлежность к элите в данном контексте не имеет отношения к продуктивности, оригинальности или образцовости достижений данного индивида или слоя. Постсоветская элита лишена свойств меритократии – это не научное либо спортивное лидерство, не героическое предпринимательство в духе Г. Форда или Б. Гейтса. Напротив, будучи социально закрытым и неопределенным множеством, российская и украинская элита не имеет отношения к задачам символической репрезентации ценностей всего целого. «Перед нами не политические трибуны и демагоги, любимцы толпы, пламенные ораторы и партийные лидеры в духе Муссолини или Черчилля, Мартина Лютера Кинга или Фиделя Кастро и не религиозные деятели, моралисты и этические философы вроде Иоанна Павла II или матери Терезы, Альберта Швейцера или Альбера Камю. По существу, лица, причисляемые к элите, являются либо просто высокопоставленными «чиновниками», либо аффилированными с бюрократией специализированными социальными группами (это, в частности, анонимные или непубличные фигуры: эксперты, представители крупного бизнеса, руководители ведущих СМИ)», – подчеркивают Л. Гудков и Б. Дубин [4, с. 77].

Термин «элита», по мнению украинского исследователя А. А. Зоткина, является продуктом мифотворчества высших слоев общества, заинтересованных в создании своего социального образа, своего имиджа «избранных» в глазах незлитных групп [5, с. 77].

Ряд авторитетных российских исследователей (Ю. Левада, Л. Гудков, Б. Дубин, Ж. Тощенко и др.)

считают, что ярлык «элита» стал использоваться применительно к постсоветским странам набирающими силу политическими манипуляторами, менеджерами избирательных кампаний, политконсультантами и близкими к ним молодыми управленцами новых массмедиа. Появление тематики элиты в постсоветском контексте было вызвано двумя противоположными причинами, а потому данное понятие отличается двойственностью и внутренней рассогласованностью. Мотивы первого рода были связаны с поиском ответа на важнейшие вопросы о потенциале модернизации, о том, где следует искать источники образцов и авторитетов для трансформации страны, для перехода от тоталитарного режима к «современному обществу» и адекватный ему форме демократического, правового государства.

Второй комплекс причин был связан с иными обстоятельствами – с тем, что бюрократия не обладала достаточным авторитетом, значительная часть ее среднего и высшего состава была дезориентирована, отчего возникала потребность сменить основания легитимности. Отвечая на этот запрос власти, группы ее интеллектуальной obsługi всё чаще стали предлагать в качестве декоративного прикрытия и идеологического оформления словарь транзитологии, натягивая понятийные определения и характеристики «нормальных обществ» на посттоталитарную реальность и на советские институты и отношения. Определенная часть бюрократии, включая «реформаторов» и тех, кто их вытеснил, но позаимствовал их лексику, была крайне заинтересована в том, чтобы представить нынешнее положение дел как завершённый процесс трансформации, как посткризисную ситуацию, стабилизацию и социальный подъем. По сути это был процесс социальной мимикрии, перехвата идеологически нагруженных, значимых и легко опознаваемых терминов, использования их для восстановления консенсуса между властью и бюрократией. Слово «элита» оказалось в одном ряду с такими понятиями, как «средний класс», «демократия», «выборы», использование которых применительно к российским и украинским обществам призвано снять различия между ними и западным обществом. Однако «элита» России и Украины коренным образом отличается от ее европейского аналога, поскольку несет на себе черты так называемой «эрзац-элиты» советского образца, закрытой категории лиц, сформированных из номенклатуры либо интеллигенции.

Во-первых, в российском и украинском социуме отсутствуют полноценные механизмы политического, гражданского, культурного представительства социальных и экономических групп, территорий, меньшинств разного рода.

Во-вторых, нет публичного и открытого обсуждения представленных программ, точек зрения, по-

зий, интересов или стратегий политического действия, отсутствуют политические механизмы участия и конкуренции.

В-третьих, действуют силы, либо нивелирующие потенциальные достижения и многообразие, либо значительно снижающие порог их признания.

Принципиальная непубличность общественной жизни, изолированность различных ее частей и сфер друг от друга, закрытость страны в целом от внешнего мира в советское время стали причиной деградации и самоизоляции правящей верхушки. История советской науки, прежде всего космических исследований, ракетостроения, авиации, создания ЭВМ и компьютерной промышленности, дает массу примеров того, как малообразованные и ограниченные политики заводили в тупик развитие целых областей науки и высоких технологий. Другими словами, необходимая по функциональным характеристикам гетерогенность данной группы (разнообразие специализации, компетенций, опыта и точек зрения) систематически нивелировалась вышестоящими инстанциями. При этом терялись важнейшие качества независимой элиты – ее «политичность», развитость и гибкость социального воображения, способность принимать решения с учетом многообразных факторов «на входе».

Есть еще один социологически крайне важный момент, хотя и редко обсуждаемый в литературе. Нельзя говорить об «элите», если соответствующая группа не обладает способностью воспроизводиться, от поколения к поколению сохранять и усложнять свою внутреннюю структуру, рафинировать композицию определяющих для нее либо для какой-то ее функциональной подгруппы значений и идей и – в результате – не может повышать и даже удерживать свое положение в социальной системе при смене конкретных личностей и поколенческих «волн». Без учета данного фундаментального обстоятельства невозможно отличить элиту от тех или иных активистских клик, кланов, организованных группировок. Точно так же различие между ними пропадает, если не принимаются во внимание условия и механизмы формирования данных групп, формы удостоверения их образцовости и авторитетности, каналы коммуникации с другими. Поэтому особую остроту приобретает вопрос о механизмах сохранения и воспроизводства «элит» в современных условиях, на стадиях ослабления централизованной системы контроля (хрущевская «оттепель») и особенно в постсоветский период.

Таким образом, российскую и украинскую «элиты» правильнее было бы, как уже говорилось, называть «позиционной элитой», подчеркивая тем самым, что эти группы являются вырожденными формами номенклатуры, заместителями (суррогатами) независимых авторитетов. В любом случае – это назначенцы, люди, поставленные на влиятельные позиции

властью, начальством, и, следовательно, зависимые от власти и подчиняющиеся ей. Тем не менее главный вопрос заключается в том, в какой степени можно говорить о модернизационном потенциале этой разновидности псевдоэлиты? Соответствует ли назначенная элита задачам осуществления системных реформ или же она не может выступать в качестве их субъекта?

Для проверки соответствующей гипотезы (*элита является реальным носителем ценностей модернизации, движущим началом процессов модернизации страны*) Левада-центр по заказу фонда «Либеральная миссия» в 2005–2006 гг. провел серию социологических исследований в России. Увы, предложенная авторами гипотеза не подтвердилась.

При эмпирическом исследовании верхних слоев политического, экономического, культурного истеблишмента России первое, с чем столкнулись социологи (если не считать явно усилившейся с приходом В. Путина социально-корпоративной закрытости тех, кого можно отнести к российской элите), было отсутствие у большинства опрошенных ощущения, что страна, ее социально-политический порядок, унаследованный характер бюрократического управления нуждаются в кардинальных реформах. Большинство респондентов не считали, что в том стратегическом курсе, которым сегодня следует Россия, необходимы принципиальные сдвиги, поскольку иначе (как гласила формулировка вопроса) ей угрожают быстрая деградация или распад [4].

Наблюдался резкий контраст между нынешней убежденностью в том, что «всё хорошо» и никакие реформы не нужны, с теми умонастроениями, которые преобладали в стране в целом и во властных кругах в конце 1980 – начале 1990-х гг. Тогда представители образованного слоя советского общества, директората, чиновничества, интеллигенции, да и более широких слоев населения остро осознавали необходимость кардинальных изменений в стране. Они не знали, куда именно следует двигаться, но представление о конце эпохи и даже всего советского уклада на рубеже 1980–1990-х было достаточно распространено в разных социальных группах.

Какую же политику государства данная «элита» считала оптимальной? В том, что страна должна развиваться, у опрошенных сомнений не было. Важно, кто, по их мнению, задает направления развития и определяет соответствующий политический курс. Абсолютное большинство опрошенных (86 %) без тени сомнения полагали, что такой фигурой является исключительно президент В. Путин, а не та или иная партия, общественная группа либо институт. Причем эта всеобщая уверенность распространяется и на московских интеллектуалов (68 %), мнения которых во многом заметно (а нередко и радикально) отлича-

лись от прочих групп респондентов. Для данной подгруппы, как и для всех остальных, В. Путин должен быть инициатором модернизации экономики, подъема благосостояния населения. При этом и опрошенные представители «верхов», и население страны оценивают реальные реформаторские шаги президента более чем скромно.

Такое несоответствие низкой оценки реформаторских достижений президента и готовности вверить ему судьбу страны респонденты оправдывали тем, что у В. Путина нет команды, необходимой для решения задач модернизации: подобное мнение разделяли 62–64 % представителей российской «элиты» (еще более категоричны в этом отношении представители бизнеса и московские эксперты, где такую оценку высказывали 71 и 83 % опрошенных соответственно). С ответами большинства в наибольшей степени расходились слова тех, кто, собственно, и составил опору путинского режима – сотрудников аппарата федеральных округов, кадровый состав которых, по данным О. Крыштановской, в основном укомплектован бывшими сотрудниками специальных служб. В этой подгруппе столько же человек (64 %) решительно утверждали, что такая команда у президента, напротив, есть. К ним приближались чиновники из ведомств исполнительной власти, «силовики» из армии и МВД, а также работники прокуратуры и судебных органов (44–47 %).

Таким образом, на фоне общей убежденности опрошенных в благих намерениях президента четко вырисовывались две полярные позиции относительно его команды. Одна группа мнений сводилась к тому, что добрые намерения В. Путина остаются лишь благим пожеланием. Они декларативны, поскольку поставленные цели не могут быть реализованы из-за отсутствия квалифицированных исполнителей. Вторая группа выражала (хотя и не так категорично) уверенность в том, что необходимая команда исполнителей у Путина есть; правда, эту точку зрения высказывали в основном именно назначенные «исполнять» верховные решения, которым большинство представителей российской «элиты» отказывают в доверии и чью компетенцию не признают.

Однако поле представлений о развитии страны видится крайне расплывчатым, неопределенным и слабо проработанным. У элиты, несмотря на ее явную консолидацию вокруг Путина, нет ни согласия в отношении будущего, ни предпочтительных политических целей. В социологическом плане это означает, что представители элиты снимают с себя функции определения и обсуждения целей (задач) государства, репрезентации интересов различных социальных групп, конкуренции за признание эффективности или правильности, оправданности соответствующей программы реализации этих целей, т.е. функции выра-

ботки и обсуждения собственно политических вопросов. Таким образом, целеполагание не является функцией нынешней российской элиты, а это означает, что в данном обществе нет политики как института [3, с. 131].

На взгляд Л. Гудкова и Б. Дубина, символическая «передача» В. Путину всех полномочий для осуществления модернизации страны обусловлена еще одним обстоятельством. У большинства опрошенных из разных подгрупп элиты, по их собственному признанию, нет ни внятных идей поступательного развития, ни способности разработать самостоятельные экономические, политические и социальные программы [4, с. 89]. Отсюда попытки воспроизвести в новых исторических условиях те решения и управленческие практики, которые соответствовали эпохе индустриализма, но резко расходятся с задачами и потребностями иной, постиндустриальной эпохи и уже в силу этого обречены на неудачу.

На указанное обстоятельство всё чаще обращают внимание и западные наблюдатели, пытающиеся понять природу конфликтов, возникающих в последнее время между Россией и странами Запада. По мнению болгарского исследователя И. Крастева, столкновение между Россией и Западом по природе идеологическое. Реальный источник конфронтации между Россией и Европейским союзом сегодня – это даже не столько конкурирующие интересы или разные ценности, сколько политическая несовместимость. Суть нынешнего кризиса – не столкновение демократии и авторитаризма (как явствует из истории, демократические и авторитарные страны могут легко сотрудничать), а столкновение между постмодернистским государством, воплощением которого является Евросоюз, с традиционным государством эпохи модерны, олицетворяемым Россией [6, с. 44].

Отсюда следует, что реальной причиной для беспокойства относительно будущего двусторонних взаимоотношений является полярная природа политических элит в современной России и в Европе. В отличие от бюрократических советских элит позднего периода, чуждых риска и проявлявших компетентность, когда дело касалось международных отношений и политики в области безопасности, новая российская элита – это те, кто выжил и победил в жестких играх переходного периода. «Они чрезвычайно самонадеянны, склонны к риску и необычайно богаты. Европа не знает, как с ними разговаривать. Европейские политические элиты, сделавшие карьеру на искусстве компромисса и ухода от конфликтов, имеют дело с элитами, которые горды тем, что не берут заложников. Взаимного непонимания и недоверия, похоже, не избежать», – считает И. Крастев [там же].

В отношении украинской политической элиты, эффективности ее функциональных ролей, модерни-

зационного потенциала большинство исследователей единодушны в негативных оценках и довольно неутешительных выводах, сродни тем, что уже были перечислены выше применительно к российской элите. Так, анализируя реформаторские инициативы нынешней правящей элиты, в том числе ее программные документы, а также публичный политический дискурс, большинство исследователей (В. Карасев, Ю. Якименко, И. Жданов, А. Ставицкий, В. Головкин и др.) делают вывод об отсутствии у нее четких представлений о предстоящем развитии экономики и страны в целом, как не было этих представлений и в начале 90-х г. XX в., когда Л. Кучма, обращаясь к парламентариям, произнес фразу, ставшую притчей во языцех: «Скажите мне, что надо строить, и я займусь этим!». Результаты некоторых социологических опросов элитных групп (в частности, опрос глав районных государственных администраций и чиновников органов местного самоуправления Украины в 2009 г.) показывают также, что «элитные группы не структурированы по глубинным ценностям и нет единой для всей элиты эквивалентной цели процесса (национальной идеи)» [7].

Размышляя над низкой функциональностью современной украинской политической элиты, исследователи (Ю. Якименко, И. Жданов) отмечают, что причина ее — не в отсутствии знаний и умений, а в том, что у нее нет необходимости учитывать интересы общества [8]. Эта необходимость может диктоваться нравственными принципами элиты или действенными механизмами ее политической ответственности, или давлением гражданского общества. Однако двух последних факторов в Украине пока нет.

Анализируя роль украинской постсоветской элиты в политическом управлении и в общественной системе в целом, эксперт И. Рожкова отмечает, что полученный элитой вследствие обретения Украиной государственной независимости политический аванс в виде общенационального статуса не был реализован в главном — выполнении ею функции по определению и реализации стратегических ориентиров развития общества. Показательной в связи с этим является...готовность (в 2007 г. — *Авт.*) ключевых политиков (президента, премьера) согласиться с тем, чтобы общенациональные ориентиры определялись извне (разработка западными специалистами программы реформ для Украины по заказу самой крупной украинской финансово-промышленной группы — «Систем Кэпитал Менеджмент») [9].

Аналогичные выводы делает и другой исследователь — А. В. Ставицкий. Изучая характер и мотивацию деятельности украинской правящей элиты в условиях глобализации, автор отмечает ««с кем быть» для лидеров страны становится важнее, чем «каким быть», потому что в этом они видят решение тех проблем, с

которыми столкнулась Украина за годы независимости, совершенно не озабочиваясь тем, что им самим надо делать, чтобы Украина стала лучше» [10].

В ряде сравнительных исследований также акцентируется внимание на низком потенциале политических элит России и Украины, свидетельством чего является отсутствие качественных изменений в экономике двух стран, а также в режиме функционирования политической власти и управления, пораженного коррупцией [11–13]. Среди причин низкой эффективности авторы называют доминирование патрон-клиентных отношений и клановой системы формирования элит, нивелирование меритократического принципа отбора элит, слабость модернизационных ценностей в мотивационной структуре правящих элит и др.

Кроме того, проанализировав политическую практику правящей элиты Украины за последние десятилетия, Ю. Якименко и И. Жданов выделяют среди прочего и такие особенности ее функционирования, как:

— *отсутствие механизмов ответственности политической элиты перед обществом за провозглашенные или принятые ею документы программного характера.* Ни одно из правительств, уходя в отставку, не отчитывалось о выполнении собственной программы. Программы политических партий по сложившейся практике не предполагают ответственности перед избирателями или даже членами партий за их выполнение. Предвыборные программы партий имеют преимущественно конъюнктурный характер и не рассчитаны на долгосрочную перспективу и кропотливую работу по их выполнению;

— *ущемление свободы СМИ с целью ограничения распространения критической (незаангажированной) информации о действиях правящей элиты;*

— *организация правящей элитой искусственной поддержки (легитимации) гражданами ее политических решений.* Наглядные примеры за последние двадцать лет — «всеукраинский референдум» 2000 г., «всеукраинское обсуждение» президентского проекта политической реформы в 2003 г. (а также события, развернувшиеся на Майдане в 2004 г. — *Авт.*). К сожалению, по справедливому выводу Ю. Якименко и И. Жданова, элита использует средства прямой демократии для достижения собственных целей, а не тех, которые являются действительно важными для страны;

— *невосприимчивость правящей элиты оппозиции (в том числе парламентской) в качестве политического оппонента, необходимого для конструктивной коррекции собственных действий.* Нынешняя правящая элита, по мнению Ю. Якименко и И. Жданова, рассматривает оппозицию как угрозу собственному статусу, власти и собственности [8]. Об этом свидетельствует примене-

ние к политическим лидерам оппозиции методов административного и силового давления, ограничение ее доступа к СМИ и иные действия.

Таким образом, «элита в Украине не может на сегодняшний момент выполнять качественно функции, возложенные на нее, из-за относительно низкого уровня профессиональной подготовленности, неумения договариваться и согласовывать свои интересы, всё большего отчуждения от населения», – подводит итог украинская исследовательница А. И. Сагирова [14, с. 24].

Наряду с невысоким качеством исполнения управленческих функций у украинской и российской политической элиты есть и еще одна общая черта. Речь идет об активно вербализуемой ею (элитой) идее модернизации страны. Однако, как показывает политическая практика последних десятилетий двух стран, идея модернизации на деле – это не стратегия развития страны либо реформ, а легитимационная составляющая любых представлений о власти, часть ее легенды. Поэтому прочие идеологемы и представления о предпочтительности пути развития страны мало связаны с этим довольно туманным комплексом пожеланий и проекций. Иначе говоря, и российские, и украинские политические элиты связывают перспективы «модернизации» с усилением государства и повышением его роли в мире, а не с эмансипацией общества от него, с ограничением государственно-административного произвола или с политикой последовательной дестатизации, как это было в большинстве стран Европы в XIX и в начале XX столетия. Такому пониманию соответствуют и материальные интересы новой номенклатуры, приватизировавшей в свою пользу как государственную собственность, так и часть распределительных, контрольных и других функций государства.

Вместе с тем в последнее время появились новые исследования элитных групп, ломающие многие устоявшиеся стереотипы и заставляющие по-новому взглянуть на современную элиту Украины и России [5, 15, 16]. Так, некоторые авторы (М. Н. Афанасьев, А. А. Зоткин и др.) ставят под сомнение многие доминирующие в российском и украинском информационном пространстве тезисы, в том числе о несоответствии нынешних правящих групп высокому званию «элита», о необходимости ответственности власть имущих перед обществом. Эти тезисы, по мнению указанных авторов, относятся к разряду политико-идеологических мифологем, которые едва ли могут быть материализованы в реальной политической жизни [5, с. 80; 15, с. 9].

Опираясь на результаты ряда социологических опросов, исследователи делают выводы о том, что при всей культурной ограниченности и общественной слабости украинская и российская элита всё же об-

ладает определенным потенциалом общественного развития. Так, проведенный в марте–апреле 2009 г. Национальной академией государственного управления при Президенте Украины опрос чиновников органов местного самоуправления показал, что большая часть из них не разделяли ценностей действовавшего в то время Президента В. Ющенко (русофобия, Голодомор, пропаганда деятельности ОУН–УПА и т.д.). Этот сегмент властвующей элиты позитивно относился к укреплению добрососедских гуманитарных и экономических отношений с Россией, повышению статуса русского языка, бережному отношению к совместной истории стран-соседей [7].

Результаты социологического опроса, проведенного под руководством М. Н. Афанасьева в 2008 г. в России, выглядят еще более убедительными [15]. Следует, правда, уточнить, что в качестве объекта данного опроса исследователи выбрали не господствующую верхушку, а более широкий верхний слой общества, так называемые *элиты развития*. К последним М. Н. Афанасьев относит рейтинговые и статусные верхи семи основных социальных групп: 1) государственной власти и управления; 2) предпринимательства; 3) менеджмента; 4) юриспруденции; 5) науки и образования; 6) здравоохранения; 7) массовой информации и публичной экспертизы. Именно эти элитные группы, считает исследователь, выступают той средой, где, в первую очередь, происходит генерация новых социальных тканей, создание и рост *общественного капитала*. Показатели участия в различных общественных объединениях у них заметно выше, чем в среднем у населения. По данным указанного опроса, 62 % респондентов из элитных групп воспринимают себя членами той или иной добровольной ассоциации (не считая «своей команды» по месту работы) [15, с. 96].

В элитах развития явно преобладает критический взгляд на сложившиеся в стране систему управления и ее результативность. Как известно, правящая администрация рассматривает выстроенную в 2000-е гг. вертикаль власти в качестве главного достижения и залога социальной стабильности. Но именно в этом центральном пункте мнение правящей администрации резко расходится с мнением национальной элиты: абсолютное большинство участников опроса считают, что мероприятия по укреплению вертикали власти в итоге привели к чрезмерной концентрации власти и бюрократизации всей системы управления, снизив тем самым ее социальную эффективность. Такой разворот общественного мнения в элитных группах, по мнению автора, со всей очевидностью обнаруживает новые и важные социальные обстоятельства.

Во-первых, *укрепление вертикали власти более не воспринимается продвинутой частью* (и вряд ли

только этой частью) *российского общества в качестве перспективной государственной идеи*; эффективность этого постулата – как для мобилизации воли нации, так и для легитимации правящего режима – сегодня крайне низка.

Во-вторых, *главным пунктом социальной и политической повестки национального развития отныне становится качество государства*.

Как следует из результатов опроса, российские элитные группы еще докризисной весной 2008 г. фиксировали *функциональные провалы сегодняшнего государства* на жизненно важных направлениях социального развития: уменьшение разрыва в доходах между богатыми и бедными; решение проблемы доступного жилья; обеспечение права на справедливый суд; развитие здравоохранения [15, с. 96–97]. Кроме того, преобладание негативных и крайне негативных оценок обнаруживает *сферы явного неблагополучия* в таких государственных делах, как обеспечение свободных выборов, развитие образования, установление и поддержание единых рыночных правил, обеспечение личной безопасности граждан и защита права частной собственности. Также велико в элитных группах недовольство тем, как государство определяет и реализует национальную экономическую стратегию.

По мнению М. Н. Афанасьева, российская элита развития определилась с цивилизационным выбором, если под таковым понимать выбор институциональных основ развития страны [15, с. 97]. Вопреки распространенным утверждениям, абсолютное большинство опрошенных представителей элитных групп (причем абсолютное большинство во всех группах, за исключением силовиков) не разделяет представления о том, что развитие российской нации должно зиждиться на безусловном примате государства в общественной и хозяйственной жизни. Элитные группы (как в России, так и в Украине. – *Авт.*) практически едины в понимании того, что национальные системы жизнедеятельности необходимо развивать на следующих базовых принципах: верховенство закона, в том числе над властью, плюс конкуренция в экономике и политике [8; 15, с. 97].

В какой мере либеральные умонастроения в элите способны скорректировать политический курс нынешней власти в России и Украине? При более открытой и чуткой к общественному мнению политической системе могла бы произойти смена правящей администрации и (или) политического курса. Но отстраненная в 2000-е гг. вертикаль власти в России (и выстраиваемая нынешней властью в Украине) стремится уменьшить, а то и вовсе исключить зависимость правящей администрации от воли и мнений управляемых, в том числе и элитных групп. Многие эксперты не раз предупреждали, что правящие верхи загоняют себя и общество в институциональную ловушку, по-

скольку бюрократические механизмы преобразований на поверку могут оказаться механизмами углубления кризиса и системной стагнации [8, 10, 17].

«Наша институциональная ловушка – это трудноизменяемый порядок функционирования государственных и политических учреждений, который в значительной степени определяет, формирует, рихтует общественное поведение людей», – считает М. Н. Афанасьев [15, с. 101]. Поэтому, говоря о преобладающих сегодня в российских элитах мнениях и желании перемен, нужно делать некоторые оговорки. С одной стороны, российские элиты в большинстве своем разделяют программный тезис Д. Медведева – в бытность его президентом – о том, что «свобода лучше несвободы», и готовы принять его за идейную основу национальной консолидации. Однако, с другой стороны, отечественные элитные группы не готовы к тому, чтобы самим начать общественные преобразования, ибо воспринимают себя и действуют «как положено», т.е. как объекты управления. Им не хватает «субъектности», т.е. способности к коллективным действиям и воли к определению государственной политики. «Успешные люди новой России практикуют главным образом *стратегии индивидуального приспособления*, чураются общественной активности и часто склонны к *социальному цинизму*. *Востребованная системой и доведенная до совершенства индивидуальная приспособляемость превратила российскую элиту в элиту приспособленцев*», – считает автор исследования [там же].

Таким образом, потребительский приспособленческий индивидуализм и взаимное недоверие в элитах вкупе с особенностями «суверенной демократии» сильно затрудняют нормальный политический выход из кризиса – через образование реальных обновленческих партий либо фракций и блоков. Однако разница потенциалов между довольно либеральными элитами и олигархической системой бюрократического капитализма заметно нарастает, особенно в ситуации продолжающегося финансово-экономического кризиса, приведшего, среди прочего, к обострению конкуренции за ресурсы в элитных группах вообще и в господствующей элите в частности. Это актуализирует необходимость корректировки государственного курса. Той части государственных верхов, которая возьмется за системное обновление, и заинтересованным в таком обновлении элитным группам России и Украины придется искать выход из институциональной ловушки, т.е. преодолевать ригидность политической системы, модифицируя ее таким образом, чтобы из механизма стагнации она превратилась в механизм общественных преобразований. Одним из главных условий трансформации этого механизма должна стать ротация политической элиты, приход к управлению государством людей, искренне заинтере-

сованных в модернизации страны и готовых приложить все усилия для достижения этой ответственной и неотложной задачи. Исследование данных процессов, в буквальном смысле слова судьбоносных для будущего России и Украины, должно стать, на наш взгляд, приоритетным для отечественной и украинской элитологии в ближайшей перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хигли Дж. Элиты, внеэлитные группы и пределы политики : теоретический ракурс / Дж. Хигли // Элиты и общество в сравнительном измерении : сб. статей / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М. : Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2011. – С. 294–304.
2. Тощенко Ж. Т. Элита? Клан? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? / Ж. Т. Тощенко // Социол. исследования. – 1999. – № 11. – С. 123–133.
3. Гудков Л. Д. Проблема «элиты» в современной России : размышления над результатами социологического исследования / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Ю. А. Левада. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2007. – 327 с.
4. Гудков Л. Иллюзия модернизации : российская бюрократия в роли «элиты» / Л. Гудков, Б. Дубин // Pro et contra. – 2007. – № 3 (37), май – июнь. – С. 73 – 97.
5. Зоткин А. А. «Львы» и «Лисы» украинской политики : о властвующей элите / А. А. Зоткин ; НАН Украины, Ин-т социологии. – Киев : Наук. думка, 2010. – 341 с.
6. Краснев И. Россия как «другая Европа» / И. Краснев // Россия в глобальной политике. – 2007. – Т. 5, № 4, июль – август. – С. 33–45.
7. Сибиряков С. А. Политико-управленческая элита и общественное сознание украинского общества в условиях смены внешнеполитического курса страны / С. А. Сибиряков [Электронный ресурс]. Текст доклада для интернет-конференции 2010 г. – Режим доступа: <http://ashpi.files.wordpress.com/2010/05/sibirjakov2.doc>.
8. Якименко Ю. Украина в XXI веке : вызовы для политической элиты / Ю. Якименко, И. Жданов [Электронный ресурс] // Зеркало недели. – 2003. – № 44 (469) 15–21 нояб. – Режим доступа: <http://www.zn.ua/1000/1550/43795/>.
9. Рожкова И. Особенности формирования политической элиты в Украине в постсоветский период / И. Рожкова [Электронный ресурс] // Информ.-аналит. портал «Евразийский дом». 19 июня 2007 г., Киев. – Режим доступа: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru/&nic=expert&pid=1144>.
10. Ставицкий А. В. Украинская «элита» : идентичность и глобальный выбор / А. В. Ставицкий. – Севастополь : Рибэст, 2013. – 209 с.
11. Глухова А. В. Политические элиты России и Украины в конце XX – начале XXI вв. : сравнительный анализ / А. В. Глухова, Г. В. Черникова. – Lambert Academic Publishing, 2012. – 153 с.
12. Глухова А. В. Политические элиты России и Украины : попытка сравнительного анализа / А. В. Глухова, Г. В. Черникова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. – 2011. – № 1. – С. 5–14.
13. Цыплакова Е. П. Роль элит в процессе политических трансформаций на постсоветском пространстве : на примере России и Украины / Е. П. Цыплакова [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2011. – Режим доступа: http://www.ceninauku.ru/page_25728.htm.
14. Сагирова А. И. Особенности политической элиты в Украине / А. И. Сагирова // Материалы за VII международна научна практична конференция «Ключови въпроси в съвременната наука». – Т. 23. Политика. Философия. – София : «Бял ГРАФ-БГ» ООД, 2011. – С. 21–24.
15. Афанасьев М. Н. Российские элиты развития : запрос на новый курс / М. Н. Афанасьев. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2009. – 132 с.
16. Будущее Центрально-Черноземного региона в контексте общероссийских политических процессов / под ред. А. В. Глуховой. – Воронеж : Воронеж. обл. типография – Изд-во имени Е. А. Болховитинова, 2008. – 195 с.
17. Глухова А. В. Политический конфликт : механизм или тормоз российской трансформации? / А. В. Глухова // Демократия, управление, культура : проблемн. измерения совр. политики. Политическая наука : ежегодник 2006 / Рос. ассоц. полит. науки ; гл. ред. А. И. Соловьев. – М. : Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2007. – С. 228–244.

Воронежский государственный университет

Глухова А. В., доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии и политологии

E-mail: deanery@hist.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Филиал Российского государственного социального университета в г. Воронеже

Черникова Г. В., кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы и права социального обеспечения

E-mail: galzhd@mail.ru

Тел.: 8 (473) 254-75-13

Voronezh State University

Gluhova A. V., Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Sociology and Political Studies Department

E-mail: deanery@hist.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Branch of the Russian State Social University in Voronezh

Chernikova G. V., Candidate of Political Sciences
Associate Professor of the Social Work and Right of Social Security Department

E-mail: galzhd@mail.ru

Тел.: 8 (473) 254-75-13